© ПАЛІТЫЧНАЯ СФЕРА
ISSN 1819-3625 № 13, 2009

Ирина Михеева

«Крывія» и «Zadruga» как культурно-политические горизонты национально-возрожденческих проектов Беларуси и Польши: опыт сравнительного анализа

Наша мінуўшчына – гэта блуканне па раздарожжах і муках,
а мы цяпер ізноў пры… сваім народзе крывічанскім
і разам з ім адбудовываемо вольную Крывію!
В. Ластоўскі

W koncepcji artystycznej i religijnej istota humanistyczna człowieka
zostaje totalnie wessana do organizmu wyższego rzędu,
jakim jest mit zadrużny.
Jan Stachniuk

Сложные и неоднозначные политико-экономические процессы, характерные для межвоенного периода в Европе и постреволюционной ситуации в России первой трети XX в., явились важнейшими факторами радикальных геополитических и социокультурных трансформаций в центрально- и восточноевропейском регионе. В результате крушения империй и активизации национальных движений многие народы впервые (или вновь) обрели реальную перспективу самостоятельного культурного развития и независимого государственного строительства. К таким народам принадлежали также белорусы и поляки, имевшие свой собственный исторический опыт, долгий и драматический, полный как национальных взлетов и свершений, так и унизительных поражений и периодов стагнации. На волне гражданского и национального подъема 1920–1930-х гг. в польской и белорусской интеллектуальной среде появился широкий спектр программ национально-государственного возрождения – от интернационально-коммунистических до консервативно-националистических. Мы остановимся на анализе и сравнении двух

из них как наиболее, на наш взгляд, оригинальных, до конца не изученных и не оцененных – концепциях *кривичского возрождения* Вацлава Ластовского и *славянского (славского) пангуманизма* Яна Стахнюка.

Выбор именно этих мировоззренческих, историко-религиозных и политико-идеологических позиций определяется, по меньшей мере, следующими тремя обстоятельствами. Во-первых, в них весьма красноречиво и достаточно полно отражаются радикальные национально ориентированные настроения и ожидания определенной части белорусской и польской интеллигенции того времени. Во-вторых, эти позиции хоть и являются далеко не бесспорными в научно-историческом и философско-мировоззренческом отношении, однако в целом концептуально (содержательно и идеологически) разработаны и обоснованы, что делает их интересными объектами для анализа. Наконец, в-третьих, в силу обозначенных выше особенностей рассматриваемые подходы к решению национального вопроса по сей день оказывают определенное влияние на духовную атмосферу общества, инспирируя современные белорусские и польские поиски оптимальных стратегий национального развития, теперь уже в новом общекультурном контексте глобализации и социокультурной транзитивности (см., например: Дзермант, 2006; Мацкевич, 2008; Tomasiewicz, 2000; Grott, 2003; Kończal, 2006).

Нравственный, интеллектуальный, профессиональный и гражданский облик как Вацлава Ластовского (1883–1938), так и Яна Стахнюка (1905–1963) вырисовывается для нас в контексте неизбежного драматизма и трагизма межвоенного времени. Будучи пламенными романтиками и решительными борцами с «историческим балластом», отягощающим национальное развитие народа, оба они прошли нелегкий путь от мучительных поисков разрешения «национального вопроса» и попыток организации реально функционирующих институций по воплощению этого разрешения до жесткого, во многом несправедливого осуждения их политических взглядов и многолетнего посмертного забвения. Однако реализовывали они свои жизненные и политические проекты в различных стратегиях.

Я. Стахнюк был и по сей день остается маргинальной фигурой в польской философско-политической мысли, что связано, в первую очередь, с его непреклонной антикатолической позицией. И хотя среди его идейных предшественников можно назвать не одно яркое имя (З. Доленга-Ходаковский – основатель польской археологии и этнографии; Ю. Словацкий – величайший польский поэт и др.), его собственные специфические религиозные (по существу, неоязыческие) и социополитические (в целом этнонационалистические) построения вдохновляют сегодня достаточно узкий круг интеллектуалов. Перед Второй мировой войной Стахнюк стал создателем и идеологом польского националистического объединения «Задруга» («Zadruga»), а также редактором как одноименного журнала, выходившего в Польше

с 1937 по 1939 г., так и подпольного журнала «Зрыв», выходившего во время немецкой оккупации. В 1952 г. Стахнюка осудили на 15 лет по обвинению в создании накануне войны «фашистской» организации, однако в 1955 г. освободили.

Судьба В. Ластовского была намного трагичнее (его дважды арестовывали по сфабрикованным обвинениям и в 1938 г. расстреляли), при этом его политическая и научная деятельность имела несоизмеримо большее влияние и резонанс среди белорусов в современную ему эпоху. Ластовский был не только общественно-политическим деятелем и главой правительства Белорусской Народной Республики, но и талантливым историком, языковедом, писателем и публицистом. Он вел обширную переписку с рядом европейских ученых и общественных деятелей, являлся академиком АН Беларуси и, по мнению ряда исследователей, был ярким ученым-энциклопедистом. С 1923 по 1927 г. Ластовский издавал журнал «Крывіч», который, по существу, являлся платформой и манифестом авторской позиции в отношении прошлого и будущего белорусского народа, его государственности, религиозной жизни, национального самоопределения и принципов сосуществования с ближайшими геополитическими соседями. Как и журнал «Zadruga» под редакцией Стахнюка, «Крывіч» в своем названии содержал достаточно очевидные отсылки к дохристианскому прошлому народа как образцовому мироустроению, что позволяет нам – по меньше мере в самом первом приближении – сделать вывод о специфическом этнонационализме как общем основании личностной и политической самоидентификации Ластовского и Стахнюка.

Поэтому только на первый взгляд в обоих авторских проектах мало очевидных точек соприкосновения, помимо формального (общий пространственно-временной культурный континуум как условие и возможность создания данных проектов), общеметодологического (нахождение в парадигме консервативно-традиционалистских поисков этнонациональной идентичности) и содержательного (их национально заостренный характер) сходства. При более детальном рассмотрении взглядов В. Ластовского и Я. Стахнюка возможно обнаружение ряда интересных философско-методологических и политико-идеологических параллелей. Эти параллели (конечно, с одновременным обозначением специфики, вносимой каждым из рассматриваемых авторов) можно провести в рамках двух концептуальных проблемно-тематических блоков: *модели национальной истории* и *проекты национального возрождения*.

I. Обоснование моделей национальной истории и факторов ее стагнации

Жесткий анализ национальной – соответственно белорусской и польской – культуры начала XX в., констатация ее трагического прошлого и кризисного настоящего, а также

выносимые на этом основании категорические оценки ее состояния обнаруживают в Ластовском и Стахнюке решительных и бескомпромиссных авторов не просто национально-возрожденческих, но очевидно националистических проектов. Эти проекты явились ключевыми в их жизни, предопределив в творчестве и деятельности очень многое: соответствующую проблемно-сюжетную канву текстов и их стилистические особенности, попытки персонального встраивания в политическое поле Беларуси и Польши первой половины прошлого века и внутреннюю противоречивость взглядов, романтизацию национальной истории и призывы к рискованным и зачастую необоснованным социополитическим экспериментам (например, созданию Славянской империи у Стахнюка или балтско-белорусской федерации у Ластовского).

Но, пожалуй, главным показателем радикальности позиций обоих явилось резкое и однозначное осуждение исторических причин, обстоятельств и последствий долгой политической зависимости Беларуси и Польши, их многовековой включенности на неравноправных началах в более широкий геополитический контекст. При этом Ластовский всю ответственность за плачевное положение дел в культуре налагает на экспансионистскую политику ближайших соседей, России и Польши, ответственных за столетнюю полонизацию и последовавшую за ней двухсотлетнюю русификацию белорусских земель (Ластоўскі, 1997: 354–359). В свою очередь Стахнюк склонен искать метафизические причины национального декаданса в порочной сущности самой христианской (католической) культуры (Stachniuk, 1996: 98).

Свою убежденность в самодостаточном потенциале культурного развития «кривского народа» и насильственном (колонизаторском) характере польских и русских влияний на него Ластовский ярко продемонстрировал в предложенной им периодизации белорусской истории. В ней он выделил четыре этапа, с которыми связана, в том числе, четырехфазная динамика национального этнонима и национально-культурного упадка (Ластоўскі, 1997: 364–365).

Это, во-первых, этап *кривско-русский* (X–XIII вв.), характеризуемый завоеванием славянских земель варягами-русами, насильственной сменой праславянской (языческой) религии христианством и переименованием кривичей в «русов», или «русь». Уже на этом этапе следует говорить, по мнению автора, о трагическом и катастрофическом для всей последующей белорусской истории явлении – своеобразном «варяго-русском иге»: «*пачатак варага-рускай улады ў нашай гісторыі трэба разглядаць так сама, як у расійскай гісторыі разглядаецца татарская навала...* [...] *...змаганне крывічоў з русамі было, па-першае, абаронай ад чужыцкай навалы, а па-другое – у гэтых змаганнях важыліся дзве сістэмы дзяржаўнага кіравецтва: з аднога стараны (са стараны крывічоў) кляліся высілкі на абарону глыбока дэмакратычнага славянскага народапраўства, а з другой стараны (са*

тараны русі-варагаў) несены быў нам, побач з палітычнай няволяй, нармандскі феадалізм...» (Ластоўскі, 1997: 387). Более того, варяги-русы не только не дали ничего позитивного в культурном и политическом отношении кривскому народу, но сами, окультурившись у него, продолжили свои хищнические завоевания, выражавшиеся в том, что «*аславяніўшыяся ў крывічоў і палянаў (украінцаў), варагі пры помачы набранай вольніцы ў крывічоў і палянаў, пад прэтэкстам хрышчэння заваёўваюць фінаў і манголаў, навязваючы ім адначасна славянскую літургію і славянскую мову ў адміністрацыі, славянізуюць фіна-мангольскія плямёны на берагах Акі, Волгі, Камы, Пячоры, Паўночнай Дзвіны і Дону*» (Ластоўскі, 1997: 391).

Далее наступает некоторая «культурная передышка» – *литовско-русский этап* (XIII – конец XVIII в.) – со сменой кривско-русской династии (Рагнеда – Владимир) династией литовской (Альгерд) и приданием нового имени кривичам-русам – «литва-русь». Хотя здесь и происходит воссоединение этнических кривичей со своими «балтскими корнями», однако они по-прежнему дезориентированы в процессах и специфике своей национальной идентификации, потому что теперь оказываются одновременно и «литвинами» (по государственной принадлежности), и «русскими» (или православными, по принадлежности религиозной).

Третий этап – *литовско-польский* – длился до первого раздела Речи Посполитой и был отмечен драматическим для всей культуры расхождением народных масс (православных) с элитой (белорусами-католиками, называвшими себя поляками). Начавшийся в тот период процесс «добровольной денационализации», когда «*сыны Бацькаўшчыны нашай к чужым у найміты пайшлі, чужыя гумны і засекі багацяць!*» (Ластоўскі, 1997: 248), стал одним из ключевых факторов дальнейшей эрозии национального самосознания кривского этноса.

Наконец, с падением Унии наступил четвертый, *российско-белорусский* период, когда православное духовенство и православная шляхта (то есть оставшаяся часть «белорусских верхов») «поголовно» перешли в «российский обоз» (одновременно называя себя «русскими»), а сам кривский народ получил официальное имя – белорусы. «*Гэтак вярхі нашага нацыянальнага дрэва, перыяд за перыядам, засыхалі і адпадалі ад народнага пня...*» (Ластоўскі, 1997: 365–366). Сам же народ, в силу перманентной политической и культурной зависимости от чужих влияний на протяжении нескольких последних веков, превратился, как полагает Ластовский, в специфическую «беларуска-мужыцкую» касту темных, необразованных, национально и культурно не определившихся людей: «*на працягу апошніх 200 гадоў беларусы не былі народам, а становілі тубыльчую сялянскую касту, у якую новыя сілы знікуль не прыбывалі, а лепшыя, здатнейшыя, адыходзілі*» (Ластоўскі, 1997: 324). И это несмотря на то, что белорус по сравнению и с поляком, и с русским «*і развіцьнейшы, і хітрэйшы,*

і нават працавіцейшы... Беларус – гэта быццам немец перад вялікаросам. Вось прыклад: мы сядзім на жвірках і на пясочках, а ў нас голаду не бывае, а ў Вялікарасеі амаль не з года ў год голад, хоць сядзяць на чарназёме» (Ластоўскі, 1997: 272).

Поэтому «*беларускаму народу няма вызвалення ні праз Варшаву, ні праз Маскву. І праз Маскву, і праз Варшаву на Беларусь ідзе руіна і знішчэнне*» (Ластоўскі, 1997: 384). Ластовский убежден в единственно жизнеспособной перспективе белорусского национального развития – перспективе самостоятельного и независимого возрождения, без какого-либо «культурно-политического патронажа» своих геополитических соседей, поскольку «*нашы гістарычныя традыцыі не маюць нічога супольнага ні з маскоўскім азіяцкім абсалютызмам, ні з польскім анархістычным шляхецтвам*» (Ластоўскі, 1997: 398).

Если Ластовский анализирует и критикует национальный историко-культурный процесс с позиций антироссийских и антипольских, то Стахнюк излагает антихристианскую по своему характеру точку зрения. Он видит главные причины упадка польской культуры в самой эволюции христианства, исторически последовательно обнаруживающего свои внутренние саморазрушительные установки в лице персонализма, нигилизма, гедонизма, морализма и спиритуализма. Стахнюк предлагает развернутую философско-культурологическую программу критики так называемой «wspakultury» как антикультуры, или «наоборот-культуры» (Серадзан). Выделяя в истории человечества два образа жизни и два образа мысли – *вегетативный* (пассивный, конформистский, нетворческий) и *героический* (активный, независимый, креативный), – польский философ связывает с ними, во-первых, соответствующие культурные формы: антикультуру как культурно-творческую симуляцию и собственно культуру как перманентное творческое действо – и, во-вторых, противоположные способы исторического самоопределения народа: экстенсивный и интенсивный.

Культура как таковая понимается Стахнюком в качестве эманации творческой воли Вселенной, как «*процесс реорганизации естественного порядка, сведение воедино элементов и соединение их по другой формуле, благодаря чему возникает новый тип подчиненной человеку мощи*» (Stachniuk, 1996: 10). Только человек из всех живых существ обладает специфическим условием и признаком культуротворчества – «*способностью к созданию, загадочным творческим началом*» (Stachniuk, 1996: 19). Тотальная же «наоборот-культура» *(wspakultura totalna)* способствует как индивидуальной пассивности в социоприродном мире, так и общественному выбору «бездейственного» исторического пути, погружению народа в бездну «безыстории» («*bezdziejów*», застоя и культурной деволюции).

Главным фактором закрепления в европейской культуре вообще и в славянской (в том числе польской) культуре в частности «вегетативного» образа жизни индивидуума

и социума, идеалов антикультуры и «бездейственного действия» стали, по мнению Стахнюка, пришедшая с западноевропейских земель христианизация и последовавшее господство католицизма. Христианизация Польши явилась «*прививкой ее организму рака антикультуры*» (Stachniuk, 2006a: 23), который также стал и стержнем национального сознания. В результате «*Польша, как и все Славянство (Słowiańszczyzna), уже тысячу лет не живет собственной жизнью. С той минуты, как мы осознали кладбищенскую пустоту, в которой нас заперли, в наших сердцах живет тоска по полноценной творческой жизни, тоска, свойственная не только полякам, но и всей славянской общности... Это привело к тому, что славянство (Sławia) лишилось собственной души, целое тысячелетие живет как загипнотизированное, безвольное, погруженное в полусознательное переживание чуждых ценностей, полностью дезорганизующих силы славянства (Sławii). Отсюда возникает эта вялость и полусонный стиль славянской жизни, полный... меланхолии, вытекающей из внутреннего маразма...*»[1] (Stachniuk, 2006b: 15). В результате процессов новообращения языческих славянских народов для них наступает культурный паралич (*paraliż kulturowy*), который ведет к практически полному разрыву с традицией и потому – к торможению творческих духовных процессов. Причем это явление одинаково характерно как для католических Польши и Чехии, так и для южных и восточных славян, находящихся под влиянием восточно-греческой церкви.

В связи с этим в историко-философской и культурологической концепции Я. Стахнюка ведущим мотивом является проблематизация культуросозидающего значения католицизма. «*Католицизм вырос на почве вегетации, и основы вегетации составляют его глубиннейшую базу... Это религиозное чувство торможения, соответствующее бездействию... существо католицизма в том, что он направлен на катастрофу любой социальной общности*» (Stachniuk, Dzieje...). Начиная с XVI в. внутреннее развитие Польши можно рассматривать, уверен Стахнюк, как тотальный концептуальный «католический эксперимент» на живом народном организме, ему безропотно поддающемся. «*Польский логос и этос является системой ценностей, насильно привнесенных и утвержденных на фундаменте первоначального этического чувства. Натуралистическое мировоззрение и этика наших славянских предков как по существу гуманистическое сознание... были уничтожены. Уничтожив мироощущение славян, позитивно смотрящих на мир, христианство навязало свое видение мира, свое понимание добра, правды, красоты. Позитивное отношение к миру наших предков-язычников, их восхищение бытием, жажда энергии и творческой мощи с евангелической точки зрения должно было быть оп-*

[1] Здесь и далее – перевод мой. – ***И.М.***

ределено как бесовщина» (Stachniuk, 2006a: 29). В результате польское национальное сознание впитало в себя социальный и экзистенциальный идеал католицизма – идеал пустыни, или монашеской кельи, – который существенно влияет на экономическую, политическую и культурную жизнь общества. При этом чем выше уровень осуществления этого идеала, тем более убогой и деградированной оказывается социальная жизнь во всех своих измерениях. И наоборот: чем слабее реализация католического идеала, тем больше творческих возможностей реализует народ в своей жизнедеятельности.

Ущемленное историей и религией национальное самосознание славянских народов, полагает Стахнюк, способно вырабатывать, в первую очередь, *экстенсивную возрожденческую идею,* связанную не с реальным изменением положения дел, обретением национальной независимости и готовностью к собственно культурному творчеству, а с бесплодными «*компенсаторскими мечтаниями о славянской империи как мощной и грозной для реально превосходящих ее соседей*» (Stachniuk, Dzieje...). Так, польский народ на протяжении последних трех веков дает собственную транскрипцию этой возрожденческой идеи, предлагая вместо реального действенного порыва определенный «релаксационный», мечтательный тип существования, абсолютно чуждый какому-либо напряжению физических и духовных сил. Этот тип фундируется императивами романтизации размеренного и пассивного сельского образа жизни (*sielskość anielskość*), своеобразными «жизненными каникулами» (*wakacje życiowe*), расслабленным миропереживанием и существованием (*odprężenie*). Иными словами, констатирует Стахнюк, «*вегетативный индивидуализм является принципиальной чертой польского национального характера*» (Stachniuk, 2006a: 34).

Альтернативой экстенсивной возрожденческой идее и единственной возможностью избавления польской (и всей славянской) культуры от тяжелого христианского антикультурного бремени может стать интенсивный идеал национального возрождения в лице славянского пангуманизма.

II. Проекты национального возрождения: от белоруса – к кривичу, от полякатолика – к поляку

Программа национального возрождения Ластовского включает в себя, по меньшей мере, следующие пункты-этапы: во-первых, налаживание процесса самоидентификации белорусов через возвращение народу исторического имени и доказательство его, народа, «балтских корней»; во-вторых, обоснование сущности «национального посланничества» кривской культуры человечеству; в-третьих, создание национальной религиозно-церковной организации.

Ластовский уверен в необходимости аутентичного этнонима для успешного возрожденческого процесса: «*Сягоння, калі народ сіліцца адрадзіцца ад самых каранёў сваіх*

і шукае старанна кожнага ценю сваe індывідуальнасці (у мове, у абычаях, у мастацтве і пісьменнасці), важна прыпомніць яму яго ўласнае імя, у дадатку – імя, якое гаварыць аб лепшых днях жыцця нашага народа, з яго вольнымі вечамі і слаўнымі змаганнямі за сваю незалежнасць. Важна самім іменем народа зазначыць, што ён – не фарбаваная адмена чыёйсь індывідуальнасці, а сама па сабе індывідуальнасць... Жаданне паставіць на годную вышыню імя «крывіч» лагічна выплывае з разумення адраджэнча-нацыянальнага руху, які павінен апірацца на гістарычную мінуўшчыну і самаістую індывідуальнасць нашага народа...» (Ластоўскі, 1997: 384–385).

Ластовский четко разводит понятия «белорусы» и «кривичи», впрочем, не всегда наделяя их аксиологическими акцентами, а констатируя определенные, с его точки зрения, исторические реалии. «*Як «беларусы» мы – толькі адбіццё агульнарускай індывідуальнасці... Але як «крывічы» – мы асобны індывідуум, асобнае славянскае племя са сваёй багатай мінуўшчынай, сваёй асобнай мовай, тэрыторыяй і духовай творчасцю*» (Ластоўскі, 1997: 386). Таким образом, как всего лишь переходная ступень и часть «целого русского» «белорусы» обречены на судьбу незначительного, незаметного, «безындивидуального» народа в российском имперском «*конгломерате племен и народностей от Балтики до Владивостока*» (Ластоўскі, 1997: 398).

Если между кривско-белорусским и русским (а также польским) народом, по мнению Ластовского, организационная связь может быть только насильственно-политическая, то с прибалтийскими народами она носит характер естественно-исторический, ведь «*мы по своему происхождению более связаны с народами Прибалтики, за которыми мы следовали во времена переселения народов, а следовательно, впитывали в себя оставшиеся западно-финские и литовские элементы, чем с москалями, которые являются нашей колонизацией на восток, растворившейся в монгольской и восточно-финской стихии...* [...] *...мы, будучи близкими по языку москалям (ославянившимся монголам), антропологически и этнологически представляем совершенно отдельный тип*» (Ластоўскі, 1997: 436). Поэтому и государственно-правовое будущее своего народа Ластовский видит в какой-либо форме белорусско-литовского общежития: «*Толькі ў сувязі з братнімі дэмакратычнымі сялянскімі народамі Літвы, Украіны і другімі можа Беларусь дайсці свайго вызвалення, можа рэалізаваць сваю дзяржаўную незалежнасць...* [...] *Дык няхай жыве незалежная сялянская дэмакратычная Беларусь, няхай жыве брацкае збліжэнне беларускага і літоўскага народаў*» (Ластоўскі, 1997: 358).

Итак, основной вектор возрожденческой политики и практики для Ластовского заключается в том, чтобы «*вырвать наш народ из-под русского гипноза, указать ему другие ценности и пути национальной жизни, обратить внимание на необходимость более тесного сближения с прибалтийскими нашими*

соседями... При доброй воле и сумме труда, возможно, удастся создать балтийскую федерацию, полезным членом которой будет кривский народ. По моему убеждению, только такое федеративное государство, от Полесья и Днепра до Финского залива, сумеет защитить себя от угрозы поглощения Москвой» (Ластоўскі, 1997: 437).

Если обращение и возвращение к собственным историческим традициям, историческому имени и историческим «собратьям» является тактической задачей национального возрождения, то стратегией этого процесса выступает осознание белорусами своей общеисторической миссии, или того «всечеловеческого задания», которым наделен кривский народ. Такое задание является скрепляющим ценностным и идеологическим началом для национальной психологии, а также для успешного государственного строительства. Кроме того, без осознания этой глобальной цели нельзя говорить о «народной индивидуальности» как условии самостоятельности и дееспособности в истории. При ближайшем рассмотрении историческая миссия кривичей распадается на две составляющие: во-первых, на «славяно-балтийское послание» как «собирание» всех трех ветвей народа в единой социокультурной и политико-государственной перспективе Кривии, и, во-вторых, на «общечеловеческое послание», согласно которому «*крывічанская славяншчына ў цэлым павінна даць чалавецтву новыя культурныя цэннасці... Нашае заданне ў гісторыі – дэцэнтралізм і народапраўства, якія дадуць новыя цэннасці...*» (Ластоўскі, 1997: 399).

Реализация всех вышеуказанных целей не в последнюю очередь зависит от развитой духовности народа, от его ценностных ориентиров и идеалов. А это обеспечивается соответствующим положением дел в религиозной сфере общества. К сожалению, констатирует Ластовский, «*рэлігійнай індывідуальнасці ў нас няма, а яшчэ горшае – няма волі знайсці сабе рэлігійную індывідуальнасць. Няма нават такога шукання...*» (Ластоўскі, 1997: 397). Вековые гонения и притеснения всего национального коснулись, в первую очередь, религии, когда «*рускую веру*» *прышчаплялі варагі... Усё, што было хрысціянскім, было варажскім, было* «*рускім*»*. Усё, што было мясцовым (славянскім), сталася паганскім, нячыстым, смярдзючым, пагарджаным*» (Ластоўскі, 1997: 354).

В результате размытость национальной белорусской идентичности – это, кроме прочего, и религиозная дезориентированность и неопределенность, это удивительное смешение в национальной культуре языческих, православных, католических, униатских традиций. Но вместе с тем, такая ситуация вероисповедной мозаичности и религиозной толерантности в перспективе грядущих радикальных социокультурных трансформаций оказывается скорее не недостатком, а благотворной атмосферой и плодородной почвой для возникновения новых оптимальных церковно-религиозных проектов. Ластовский уверен, что «*калі не хочам, каб чужынцы каман-*

давалі духоўнасцю нашага народа, павінны мы шукаць і знайсці спосабы і формы да самаістага развязання рэлігійнага пытання. Патрэбна ўтварэнне такой формы хрысціянскай царкоўнай арганізацыі, якая б, не аглядаючыся ні на ўсход, ні на захад, стаяла на грунце нашых нацыянальных інтарэсаў» (Ластоўскі, 1997: 414).

Среди важнейших императивов польского национального возрождения Я. Стахнюк выделяет пангуманистическую славянскую культурную революцию, «задружный миф» как ценностно-идеологический постулат нового национального мировоззрения и общеславянскую «задружную религию» антихристианского, по существу неоязыческого характера.

Национально-возрожденческий проект Я. Стахнюка отражен в его специфической философии «Задруги»[1], главными тезисами которой являются преобразование общества в русле героического коллективизма и освобождение бесконечного творческого потенциала, дремлющего в нём. В этом, собственно, и заключается пангуманизм в версии философа – в тотальном раскрепощении человека и его творческого начала. При этом как национализм, так и классовая борьба в этом процессе второстепенны и являются всего лишь инструментами для достижения данной цели. В зависимости от исторических условий, разные группы могут осуществлять пангуманистический героический общественный идеал.

Коллективно-героическая национально-культурная перспектива противопоставляется у Стахнюка современному состоянию антикультуры и питаемому ею «полякатолическому течению» (*samotok polakatolicki*), пронизывающему всю польскую историю последних веков. Эта тенденция представляет наибольшую опасность для будущего Польши, поскольку замыкает мировоззренческий горизонт поляка как гражданина рамками его парафии (прихода), превращая его в «полякатолика». Такая жизненная позиция не дает возможности для адекватного восприятия и преобразования мира, обрекает человека – а вместе с ним и культуру – на прозябание в пассивности и упадке. Поэтому «*преодоление полякатолических настроений является наиважнейшей революцией. Оно будет револю-*

[1] Задруга *(сербскохорв.)* – у южных славян семейная община из нескольких поколений потомков одного отца с их женами и детьми (20–30 человек); хозяйство и потребление были общими. Распад задруги происходил во 2-й пол. XIX в. (Большой Энциклопедический…); задруга (zadruga, zadruzna kuca) – маленькое общество, состоящее из нескольких семей, связанных не столько родством, сколько связями экономическими и территориальными; особенно распространена среди южных славян сербскохорватского племени... Все члены задруги вполне равноправны. В таком первобытном виде сохранилась задруга до настоящего времени только у южных славян, но и здесь уже заметно вырождается… (Энциклопедический словарь).

цией в мире духовных ценностей. Его содержанием должно стать замещение антикультурной индивидуальности индивидуальностью героической» (Stachniuk, 2006a: 67). В конечном счете культурная революция в Польше должна привести к освобождению «элемента пангуманизма» из плена антикультуры, беспощадно ампутировать все «больные органы и психику» народного организма. «*Ревизия культуры должна быть проведена радикальная. Это не означает полного отрицания. Изъять необходимо только антикультуру*» (Stachniuk, 2006a: 72).

В результате такого национально-культурного самоочищения на смену антикультуре с ее лживыми и пагубными идеями должен прийти фундируемый пангуманизмом «задружный миф». Его главной целью и основным содержанием явится «славянская сверхбиология» (*nadbiologia sławska*) как результат преодоления славянского биоса (как всего вегетативного в жизни и мысли) творческо-героической общностью Славии. Впервые именно в этом мифе творчество обретет свое полное самоощущение и самоосознание и, кроме того, получит средства реализации для своего существования и развития. Для этого в ближайшей своей истории славянство должно последовательно решить следующие задачи: «*вызволить из первоначальной славянской биологической массы элемент творческой воли*»; «*создать организацию, претворяющую освобожденные творческие импульсы в спонтанную активность сверхбиологического культурного организма Славии*»; «*победить вражеские силы, препятствующие процессу образования Славией подлинного мира культуры*» (Stachniuk, 2006b: 164).

Польская национально-культурная революция и в целом польский национализм, по мнению Стахнюка, не могут и не должны замкнуться в собственных региональных границах, а призваны стать двигателями общеславянского возрождения. Польский народ станет «Прометеем униженного Славянства» (Stachniuk, 2006b: 172), а польское националистическое мировоззрение – «воскрешением славянской души». Именно в этом заключается всеславянская историческая миссия польской культуры.

Так понимаемое философом историческое призвание Польши имеет также особое «тоталистское» культурно-политическое измерение, заключающееся в разработке им концепции общеславянского наднационального государства и даже панславянской империи. В целом критикуя «тоталитаристское искушение» европейской культуры 1930–1940-х гг. как внутренне из нее произрастающее и являющееся «экстенсивной» формой использования возрастающей мощи и власти народных масс (*mocy sprawczej*) (Stachniuk, Zagadnienie...), Стахнюк, тем не менее, сам поддается его влиянию. В его проекте будущего всеславянского героико-коллективного общежития очевидно присутствуют тоталитаристские акценты. Попробуем перечислить основные из них.

Во-первых, уже само название и центрирующий образ-символ его

философии – «Задруга» как древнеславянская племенная и экономическая община – отсылают к архаическим ценностям традиции, патриархальности, единоначалия и тотального коллективизма. В свою очередь, коллективизм как неотъемлемая черта авторского сценария будущего благоденствия является противоположностью персонализма и приобретает статус центральной идеи в философии «Задруги». Стахнюк воспринимал коллективизм как антиперсоналистский подход к жизни – отождествление собственных потребностей с потребностями общества. В обществе, построение которого предлагает Стахнюк, весь народ обязан обеспечить основные потребности каждого человека, а экономическая мотивация по отношению к работе должна уступить место мотивации морального характера. Чтобы осуществить эту цель, необходимо фундаментально преобразовать общественный менталитет (Серадзан).

Во-вторых, согласно идеологии «Задруги», великие, творческие, героические цели может осуществлять лишь однородное общество. Социокультурный проект Яна Стахнюка – это тотальное государство, которое должно охватить каждый аспект жизни своих граждан. Такое государство должно быть создано вокруг одного, всеобщего, однородного мировоззрения, которое вытеснит христианские ценности (Grott, 1989: 57). Центрировать это мировоззрение будет «творческий миф» (*mit tworzycielski*), а обязательный общественный институт, ответственный за создание соответствующих «мифо-идейных матриц», определяется Стахнюком как «лаборатория историко-творческой мысли» (*laboratorium myśli dziejotwórczej*).

В-третьих, Стахнюк сомневается в культурном потенциале других славян (помимо поляков и русских), на основе которого они смогли бы осуществить качественное преобразование своей социально-экономической и политико-государственной жизни. «*Можно ли вообще рассматривать парализованные бездеятельностью украинский, сербский, хорватский народы как силу истории? Единственно верной политикой здесь может быть только использование их как сырья для плавильной печи задружного мифа с целью создания общеславянского народа (nadnaród sławski) с соответствующими этническо-региональными особенностями*» (Stachniuk, 2006b: 151). Только в Польше или России, по мысли Стахнюка, может возгореться пламя новой жизни. Философ, однако, питает надежду, что поводырем славянства окажется все-таки польский народ, поскольку именно он «*наиболее глубоко и драматично пал под тяжестью иудейско-христианского антимифа*» и потому является народом, «*который первым сумеет преодолеть историческое бездействие и осуществить необозримую в своих последствиях славянскую революцию*» (Stachniuk, 2006b: 171–175).

В-четвертых, реализация исторической миссии Польши своим логичным и организационным завершением будет иметь Славянскую

империю (*Imperium Sławskie*), способную преодолеть «склероз бездействия» всех остальных братских народов – чешского, украинского, сербского, русского и других – и превращающую их всех в единый общеславянский народ (*nadnaród sławski*). Именно этому народу будет под силу впервые предложить миру особый империализм, предельно моральный и нацеленный на свершение величайших и наигуманнейших идеалов человечества. Парадоксально, но путь построения этой пангуманистической империи может быть только насильственный, или революционный, поскольку «*задружный миф не может быть реализован обычным эволюционным врастанием в бездейственную историю. Для полного преодоления исторической инертности обязательным является завоевание политической власти*» (Stachniuk, 2006b: 172). Отсюда вытекает необходимость и неизбежность славянской революции (*rewolucji sławskiej*).

Характерно, что революционные преобразования и осуществление нового образа жизни в славянской империи Стахнюк непосредственно связывает с религиозным отношением к миру. Для него наивысшим религиозным заданием человека является усиление жизненной мощи бытия, перманентное наполнение его буйного ритма все новыми энергиями (Stachniuk, 1996: 66). Поэтому именно в религиозно-эстетической сфере максимально выразится самородное существо славянской культуры. Соответственно, преобразится и сама религиозная жизнь. Прежде всего, «*религиозное чувство поляков, чехов, славян вообще, освободившихся из бездейственной истории, должно создать из элементов своих культурно-исторических традиций новый славянский миф*», на основе которого и возникнет новая общеславянская религия (*religia zadrużna*). Ее принципиальными характеристиками будут однозначно антихристианский характер и «героическое отношение» к жизни.

Новая религия будет религией «посюсторонней», религией активной жизненной позиции, здоровья и радости, максимального напряжения всех физических и духовных сил человека. Костелы и монастыри будут заменены стадионами, гимнастическими залами и институтами гигиены в целях поддержания и развития «*оптимальной биофизической формы, безупречного состояния мышц, нервов, органов для мистического единения с пульсирующим бытием сферы творчества*» (Stachniuk, 2006b: 163). По существу, перед нами – программа неоязыческого возрождения как религиозно-идеологической реконструкции системы традиционных ценностных приоритетов и поведенческих моделей, иными словами, программа современной задруги как единого культурно-политического, духовно-религиозного и социально-экономического общеславянского неоархаического общежития.

Именно в силу своего очевидного неоархаического и неоязыческого характера возрожденческий проект Стахнюка не является популярным и востребованным в среде большинс-

тва современных польских национально ориентированных кругов, для которых незыблемыми ценностями по-прежнему являются ценности католические. В этом смысле «задружный проект», развиваемый сегодня активистами вроцлавского издательства «Toporzeł», а также инспирирующий идеологию и деятельность ряда неоязыческих групп и объединений (Zrzeszenie Rodzimej Wiary, «Niklot», Narodowy Zespol Koncepcyjno-Studyiny, «Szczep Rogate Serce», Zakon Zadrugi «Północny Wilk» и др.), может быть рассмотрен как своего рода «идеологический противовес» польскому прокатолическому радикально-консервативному национализму.

Подведем краткие итоги. Как показал проведенный анализ философско-мировоззренческих и культурно-политических воззрений В. Ластовского и Я. Стахнюка, уже в первом приближении очевидны сходства и различия в их позициях.

Общими являются выводы обоих авторов о драматичном характере и глубинных причинах кризисных процессов в национальных культурах. В целом эти причины можно свести к катастрофическим по своим историческим последствиям «внешним вмешательствам» в суверенную жизнь белорусской и польской нации со стороны европейских соседей. Именно многовековые агрессивные политико-религиозные влияния – русские и польские на белорусскую культуру (Ластовский) и западноевропейские на культуру польскую (Стахнюк) – парализовали народный дух и волю к самостоятельному развитию. Оба автора ищут животворящие истоки и возрожденческие импульсы в культурно-религиозном бытии своих народов дохристианского периода. Именно там, по мнению обоих, сложились и законсервировались несущие жизненную силу и волю к национальной независимости основы культурно-этнической самоидентификации: историческое имя народа, его язык, автохтонные (языческие) ценности, образцы оптимального государственного устроения и религиозной организации.

Однако при моделировании программ будущего национально-культурного развития Ластовский и Стахнюк очевидно расходятся. Первый, на наш взгляд, эволюционирует от умеренно-националистических позиций к всё более выраженной националистической платформе, при этом в целом, однако, стараясь разделять европейские (в том числе христианские) ценности и императивы. Условиями независимого и благополучного развития белорусского (кривского) этноса и государства Ластовский видит демократические, возможно федеративные формы политико-правового устройства, а также мирное и равноправное сосуществование с ближайшими соседями и масштабное национально-культурное строительство. Проект же Я. Стахнюка выдержан в более радикалистской, левонационалистической тональности, а в современном контексте – скорее, в идеологическом поле европейских «новых правых» как инициаторов и теоретиков концепции «новой культуры» (De Herte, 2009). В этом проекте четко

прослеживаются идеи мессианизма, панславизма и тоталитаризма. Кроме того, польский философ вошел в историю национальной мысли как родоначальник и апологет «неоязыческого культурного поворота» (Серадзан) и как непримиримый антикатолический мыслитель, подвергающий сомнению и критике всю систему европейско-христианских аксиологических констант.

Вышеотмеченные особенности обоих национально-возрожденческих проектов обретают свое концентрированное выражение в центрирующих образах-символах «Крывii» и «Zadrugi». Задавая сходную специфическую «перспективно-ретроспективную» векторность ожидаемой социодинамики, основанной на общинно-коллективистской и патриархально-дохристианской доминантах, они, вместе с тем, содержательно и идеологически не совпадают.

«Крывiя» в разные периоды деятельности Ластовского предполагается им либо как независимое национальное моногосударство, функционирующее на основе демократических ценностей (хотя и в их специфической авторской трактовке) в общеевропейском геополитическом пространстве, либо как автономно-национальное социокультурное и политико-экономическое образование в составе «балтской федерации».

«Zadruga» же как исторический ориентир включает в себя очевидную имперско-универсалистскую установку на «всеславянское собирание» и общеславянское возрождение. Здесь первичны не конкретно-политические и тактико-экономические моменты будущего общественного организма, но его значение как единственно должной и, по сути, мессианско-тоталитаристской парадигмы социокультурного развития. Если перспектива «Крывii» задает, в первую очередь, собственно национальные и локально-исторические ориентиры процессам самоидентификации белорусов, то программа «Zadrugi» в качестве таковых для поляков выдвигает политико-идеологические ценности славянского единения, славянского империализма и славянского язычества.

Время показало силу и слабость обеих национально-возрожденческих моделей. Актуализация в новом ключе (а именно в контексте качественных социально-экономических и геополитических трансформаций первой трети XX в.) «национального вопроса», попытка его решения на платформе политико-государственных преобразований и обращения к истокам и специфике национально-культурных традиций, открытое обсуждение национальных проблем на страницах соответствующих изданий – всё это можно отнести к положительным моментам в общественно-политической деятельности Ластовского и Стахнюка. Важнейшим же серьезным минусом, помимо прочего, явилась их «романтическая зачарованность» концептами «народ», «славянство», «героизм», «коллективизм», «народная демократия», «антропологические особенности» и т.п. – то есть всем тем, что семантически приближается к идеологии «фёлькише» (Potrzebowski, 1982).

Поэтому обе концепции можно характеризовать (порицая или вознося) по самым различным основаниям, включая в предельно широкий спектр социально-политических и историко-философских теорий. В случае Стахнюка – от национал-большевизма (Серадзан), национал-коммунизма и левого национал-революционного тоталитаризма (Tomasiewicz, 2000) до правого коллективистического экстремизма (Пискорский). В случае Ластовского – от белорусского антифашизма (как национального ответа на фашизм и нацизм 1930-х гг.), антипольского национализма (Лабынцев) до даже исторического дилетантства (Фадеев, 2008). Но однозначно нельзя отказать им в одном – в оригинальном, смелом и оптимистичном взгляде на историческое будущее белорусского и польского народов.

Литература

1. Большой Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/130294.
2. Дзермант, А. *Паганскае адраджэнне на Беларусі* // [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.belintellectuals.eu/publications/7/. Дата доступа : 20.12.06.
3. Лабынцев, Ю.Л. *Польская культура в концепции истории духовной жизни белорусского народа Вацлава Ластовского* // Центр украинистики и белорусистики Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/labyncev.htm.
4. Ластоўскі, В. *Выбраныя творы* / Уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. Мн., 1997.
5. Мацкевич, В., Егоров, А., Водолажская, Т. *Становление нации в Беларуси: от подданства к гражданству.* Сер. «Беларусь для начинающих». Мн., 2008.
6. Пискорский, М. *Новый славянский национализм в Польше* // Информация и политика. Независимая нац. творч. корпорация [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.whiteworld.ru/rubriki/000103/01020402.htm.
7. Серадзан, П. *Творчество и героизм: Четвёртая политическая теория в польской общественно-политической мысли – Ян Стахнюк и национал-коммунизм группы «Задруга»* // Информ.-аналит. портал «Геополитика» [Электронный ресурс]: Геополитика постмодерна. Режим доступа : http://geopolitica.ru/articles/413. Дата доступа : 26.11.2008.
8. Фадеев, А. В. *О перспективах националистического движения в Белоруссии* // Евразийский вестник: Журн. теории и практики евразийства. 2008. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.e-journal.ru/soyz-st6-2.html.
9. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/41515/Задруга.
10. De Herte, R. *L'ordre moral; Georges Feltin-Tracol. Le paganisme et la Nouvelle Droite* // Eléments. № 130. Hiver 2009 (Groupement de Recherche et d'Études pour la Civilisation Européenne) [Electronic resource]. Mode of access : http://grece-fr.net/textes/_txtWeb.php?idArt=853.

11. Grott, B. *Myśl społeczna neopogańskiej Zadrugi i jej religijne aspekty*. Kraków, 1989.
12. Grott, B. *Religia – cywilizacja – rozwój. Wokół idei Jana Stachniuka*. Kraków, 2003.
13. Kończal, M. *Współczesne neopogaństwo słowiańskie – konstrukcja, rekonstrukcja czy destrukcja?* // Zeszyty Filozoficzne. 2006. № 12–13.
14. Potrzebowski, S. *Zadruga. Eine völkische Bewegung in Polen*. Bonn: Institut für Angewandte Sozialgeschichte, 1982.
15. Stachniuk, J. *Człowieczeństwo i kultura.* Wroclaw, 1996.
16. Stachniuk, J. (a) *Droga rewolucji kulturowej w Polsce.* Wroclaw, 2006.
17. Stachniuk, J. *Dzieje bez dziejów. Teoria rozwoju wewnętrznego Polski* // [Electronic resource]. Mode of access : http://prawia.org/ksiazki/stachniuk/dziejef.html.
18. Stachniuk, J. (b) *Mit słowiański.* Wroclaw, 2006.
19. Stachniuk, J. *Zagadnienie totalizmu* // [Electronic resource]. Mode of access : http://prawia.org/ksiazki/stachniuk/zagtotf.html.
20. Tomasiewicz, J. *Między faszyzmem a anarchizmem. Nowe idee dla Nowej Ery.* Pyskowice, 2000.

Дополнительные источники

1. Stachniuk, J. *Chrzescijanstwo, a ludzkosc*. Wroclaw, 1997.
2. Stachniuk, J. *Kolektywizm a naród* [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://prawia.org/ksiazki/stachniuk/kolpolf.html
3. Stachniuk, J. *Wspakultura* [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://prawia.org/ksiazki/stachniuk/wspakulf.html